

УДК 821.161.1 – 1 (470. 53)

СТИХОТВОРНЫЕ ЭКСПРОМТЫ ВЛАДИМИРА РАДКЕВИЧА¹

Вера Евгеньевна Кайгородова

к. филол. н., доцент кафедры новейшей русской литературы

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

614990, Пермь, ул. Сибирская 24. vera_kaygorodova@mail.ru

Статья посвящена изучению стихотворных экспромтов пермского поэта Владимира Ильича Радкевича (1927–1987). Обсуждаются стихи «на случай», эпиграммы, отразившие эпизоды региональной и общероссийской литературной полемики, общественно-политические взгляды автора. Выделены случаи творческого использования хрестоматийных эпиграмм А.С.Пушкина, поэзии М.Ю.Лермонтова, сатирических текстов В.В.Маяковского. Экспромты В.И.Радкевича, созданные в контексте культурной жизни Перми 1960-х – середины 1980-х гг., рассматриваются в свете региональной истории, как свидетельство личностных взаимоотношений ее участников, способ самоидентификации популярного поэта, стремящегося индивидуализировать официальный образ автора стихов гражданско-патриотической тематики.

Ключевые слова: экспромт; эпиграмма; пермский; литературная полемика; В.И.Радкевич.

«Радкевич Владимир Ильич (24.04.1927, г. Белый Смоленской обл. – 07.06.1987, Пермь), поэт, создавший в своем творчестве одически возвышенный образ Прикамья» – так определяется итог творчества когда-то популярнейшего пермского литератора в начале XXI в. [Маргиналы 2004: 303].

В неофициальной памяти и все чаще с годами в мемуарах людей, знавших В. И. Радкевича, вспоминается и другая, не менее популярная, составляющая его творчества – многочисленные экспромты, своеобразная поэтическая мозаика, запечатлевшая эпизоды культурной жизни провинции, мир интересов и пристрастий пермского литератора с середины 1950-х до первых «перестроечных» лет.

Эти стихи В. И. Радкевича хранятся в памяти его друзей и поклонников, появляются в статьях к очередному юбилею поэта; несколько текстов опубликовано в разделе «Эпиграммы» в сборнике 2007 г. [Радкевич 2007: 295–306].

Стихи «на случай», по воспоминаниям, «как бы выпархивали из-под его пера, а многие он и вообще не записывал» [Смородинов 2000: 4]. Это стихотворные экспромты, обращенные к сыну и дочери, друзьям, знакомым. В них обыгрываются воспитательная ситуация («Тебе, Сережа, стыд и срам: / Ты много плачешь по утрам» [цит. по:

Мишланова 1995: 13]), новообетенная фамилия новобрачной («В жизни есть прекрасные дары, / Она не будет для тебя сурова. / Тебя кусать не будут комары, / Поскольку и сама ты – Комарова» [Радкевич 2007: 305]), увлечения друга Ю. М. Рекки («Ты, Юра, преуспел во многом. / Замечу, зная жизнь твою, / Что в шахматы играл ты с Богом, / Но матч закончился вничью» [цит. по: Беликов 2012: 4]), профессия собеседницы-отоларинголога Э. Л. Толкуновой («Эмилия! Дыханье спёрло, / Поскольку есть один вопрос: / Тебе доверю ухо, горло, / Но всё же не доверю нос» [там же]). На стене кабинета директора школы олимпийского резерва «Огонёк» Л.Д.Постникова до сих пор сохранился экспромт: «Жил в “Огоньке” я – было времечко, / Пока петух не клюнул в темечко!» [там же].

Первый поэт советского Прикамья был и автором не предназначенных для печати стихов, в которых он предстает и смелым обличителем провинциальной партийной элиты, и остроумным комментатором общесоюзных литературных событий, нелицеприятно высказывающимся о признанных авторитетах.

К экспромтам В. И. Радкевича применимо определение эпиграммы: это короткие сатирические стихотворения, направленные против конкретного лица или общественного явления с ха-

рачным динамичным развитием темы и неожиданной острой концовкой, подчеркиванием, заострением осуждаемых черт объекта. «Как во всякой сатире, в эпиграмме, за небольшими исключениями, отчетливо отражается общественно-политическая позиция автора, его симпатии и антипатии» [Мануйлов 1958: 6].

Сохранившиеся эпиграммы разнообразны по тональности. Творчество В. И. Радкевича высоко ценили Ярослав Смеляков, Борис Ручьев, Николай Старшинов. Пермский поэт был популярен, особенно в шестидесятые годы, в столичных литературных кругах. Так, хлебосольный, гостеприимный ленинградец Виссарион Саянов «часто оказывался объектом дружеских шаржей и эпиграмм» [Хренков 1975: 128]. Одна из них принадлежит перу В. И. Радкевича: «Встретил я Саянова, / Трезвого, не пьяного. / Трезвого? Не пьяного? / Значит, не Саянова!» [Радкевич 2007: 299]. Текст свидетельствует и о знакомстве автора с популярной устной эпиграмматикой, являясь вариантом знаменитой эпиграммы на популярного артиста МХАТа Б. Н. Ливанова.

Поводы для сатирических высказываний В. И. Радкевича конкретны, чаще связаны с новинками литературы, кругом чтения советской интеллигенции. Это стихотворные экспромты, «рассчитанные на устную аудиторию, хорошо знавшую и адресата эпиграммы, и участников литературной полемики, и ее общественно-идеологический контекст» [Мушина 1998: 5]. Не раз используется характерный прием комментирования текста, вынесенного в эпиграф, как в эпиграмме на критика, автора обзорных статей о современной поэзии Ал. Михайлова. Цитата из статьи в популярном ежегоднике «Поэзия – 76» об «отставании» современной поэзии от времени становится основанием эпиграмматического портрета: «Жужжит он, как веретено / Все сеть плетет для эпохального! / Глядь-поглядь, опять полно / Корытце критика Михайлова. / С прутковской важностью угрюмою, / Словес блудливых прародитель, / Твердит: «Мне думается», «Думаю»... / И всем понятно: он мыслитель!» [Радкевич 2007: 301]. В ироническом отклике на публикацию мемуаров «Люди и странствия. Воспоминания и встречи» (1962) Л. В. Никулина (1891–1967) потенциальные читатели книги обозначены как «России верные сыны»: «Он вспоминать не устает. / И все, что вспомнит, издает. / И это все читать должны / «России верные сыны!»» [там же]. В 1952 г. за этот роман Л. В. Никулина была присуждена Сталинская премия, и упоминание текста становится указанием адресата эпиграммы. На обыгрывании созвучия имен основан отклик на публикацию в издательстве «Художественная литература» в

1971–1973 гг. пятитомного собрания сочинений Н.М.Грибачева (1910–1992): «Я труды твои отведал, / Прочитал твои тома, / Вижу, ты не Грибоедов, / Горе здесь. Но нет ума» [там же].

В. И. Радкевич реагирует на литературные эпиграммы, выражающие тенденции времени. В 1962 г. «Юность» опубликовала для «будущих исследователей» юмористическую «Малую энциклопедию», объективно обозначившую единство и популярность поколения «шестидесятников»: «Энциклопедия журнала / Поведает о «стариках», / Что, не смыкая глаз, бывало, / Качали «Юность» на руках» [Малая энциклопедия «Юности» 1962: 11]. Эпиграмма на Евгения Евтушенко констатировала официальное признание включенности его в историю литературы: «То бьют его статью строгой, / То хвалят двести раз в году, / А он идет своей дорогой, / И ...бронзовеет на ходу» [там же: 23]. Реакцией на эпиграмму стало стихотворение В. И. Радкевича 1962 г. «Модный писатель». Переключка финалов недвусмысленно указывает на адресата: «Пророк, провидец, свысока / Не говорит, а изрекает, / Слова из чрева извлекает, / Как пятаки из кошелька...И не сегодня, и не завтра / Он не поймет свою беду: / Идет походкой динозавра / И – вымирает на ходу» [Радкевич 1964: 62–63]. Новое состояние литератора, недавно бывшего «хорошим парнем», расценивается как начало конца искреннего художника. Развитием полемики стало написанное в том же году одно из самых популярных стихотворений В. И. Радкевича «О молодости»: «Молодость сочтя за преимущество, / Только ей, как божеству, кадим, / Надобно особенное мужество, / Чтоб не оставаться молодым» [там же: 3]. В разных вариантах оно, как выражение творческого кредо, будет включаться во все сборники поэта.

Для своего времени высказывания В. И. Радкевича были острыми, небезопасными для их автора. Показательно, что эпиграмма-портрет С. В. Михалкова в связи с его награждением четвертым орденом Ленина (1983): «Он гений по трудам и блатам, / Наградам, званьям нет конца, / И каждый орден – как заплата / На бедном рубище певца» [Радкевич 2007: 300] – опубликована и в наши дни без указания адресата. Включенная в сборник 2007 г., она стала ироническим портретом среднестатистического «генерала-классика».

Читая эпиграммы В. И. Радкевича, можно проследить смену культурных приоритетов общества. Общий для времен «застоя» и первых «перестроечных» лет интерес к телевидению выражается в появлении пародий на героев популярных передач. Не раз адресатом эпиграмм становится ведущий популярной развлекательной

программы «Вокруг смеха» (1878–1990) поэт-пародист А. А. Иванов. Ему посвящены «маленькие фельетоны», небольшие стихотворения «в виде диалогической сценки или бытовой картинки пародийно-насмешливого характера. Отправной точкой «маленького фельетона» служит конкретный жизненный факт, о котором часто сообщается в эпиграфе. Данный факт в стихах часто переосмысливается, утрируется, и в то же время мы чувствуем отношение к нему автора, если не открытое, то подспудное» [Васильев 2000: 24]. Примером «маленького фельетона» является «Дискуссия между попугаем и пародистом А. Ивановым», представляющая собой монолог ведущего, завершающийся утверждением: «Я не дурак. А попугай – кретин. / Не верите? Спросите у Хазанова» [Радкевич 2007: 302]. Грубовато пародируется допущенная Ивановым вульгарность: «Я буду в «М» ходить до самой смерти, / Хотя меня и посылают в «Ж» (А. Иванов). Стилизуя особенности лексики оригинала, В. И. Радкевич развивает монолог, ставший эпиграфом пародии: «Дорожка пародиста глаже скатерти, / Успех порой пьянит сильнее вина. / Вот и сейчас – качусь к такой-то матери, / Хотя меня и посылают – НА» [там же].

Пародическое цитирование строк классиков – один из любимых приемов В. И. Радкевича. В откликах на участие актера М. Боярского в шоу «Музыкальный ринг» (1984–1990) используются цитаты из известных пушкинских эпиграмм. «К портрету Чаадаева» (1820): «Он носит волею небес / Мундир то мушкетерский, то гусарский... / Он в Риме был бы Брут, в Афинах – Периклес. / А здесь он – Миша, недоросль Боярский». На М. С. Воронцова (1824): «Полу-актер, полу-певец, / Полу-пижонство, полу-чувства... / На «Ринге» стало явным наконец, / Что здесь в нокауте – искусство!» [там же: 303].

Мемуаристы, характеризуя общественные взгляды поэта, неоднократно говорят, что он не был диссидентом. Сохранившиеся политические эпиграммы В. И. Радкевича немногочисленны. Но, как и большинство интеллигентов «кухонного периода», он высказывался на актуальные лично для него темы. Декларация Маяковского «у советских собственная гордость» обыгрывается в «Оде ядерным взрывам в Пермской области»: «Давно мы привыкли: коль надо, так надо! / И к ядерным взрывам привыкнем отныне, / Хоть, в общем-то, Пермь – не пустыня Невада, / И нам далеко до атолла Бикини... / Мы взрывами всякими будем гордиться – / В народном хозяйстве нам все пригодится!» [там же: 298].

В. И. Радкевич, в свое время с отличием защитивший в университете диплом о сатире В. Маяковского, обращался к ее образности не-

однократно, особенно в годы «перестройки». Осенью 1985 г. в стране было создано Всесоюзное добровольное общество борьбы за трезвость, что сразу породило множество анекдотов, эпиграмм. Реакция В. И. Радкевича оформлена с использованием знаменитого назидательного текста для детей: «Такой, товарищ, век пришел, / Такая пришла эпоха, / Что трезвому очень у нас хорошо, / А пьянице – очень плохо» [цит. по: Чернова 1997: 2]. Председателем Пермского областного общества трезвости был избран ректор медицинского института Е. А. Вагнер, вскоре после этого побывавший в редкой в те годы заграничной командировке. Факты эти послужили темой экспромта: «Профессор Вагнер побывал в Шри-Ланке, / Беседовал с премудрыми людьми. / Он всю Шри-Ланку отучил от пьянки, / Но трезвых не прибавилось в Перми» [Радкевич 2007: 297]. Воспроизводимая автором в разных аудиториях эпиграмма бытовала в нескольких вариантах: менялся ее пуант, героем которого становился не абстрактный «народ», но друзья и знакомые поэта.

Как и многие современники, В. И. Радкевич воспринимает «перестроечные» процессы с надеждой на обновление общества. Отставку на Пятом съезде кинематографистов С. Ф. Бондарчука (1920–1994) он увидел как освобождение от авторитарности, официоза. Воплощением этих черт представляется поэту экранизация «Бориса Годунова» (1986), в которой в полном составе снялась многочисленная семья режиссера. Цитата из пушкинского монолога Бориса становится резюме эпиграммы: «Немало лет он царствовал спокойно, / Но вел себя при этом непристойно: / Все роли в фильме роздал приближенным, / А в том числе и двум любимым женам. / Поэтому, ища пути иного, / Вся Русь восстала против Годунова. / Ведь истина по-пушкински проста: / “Да, жалок тот, в ком совесть нечиста!”» [там же: 303].

В 1987 г., незадолго до кончины, В. И. Радкевич отправляет в журнал «Крокодил» две страницы эпиграмм. Уже несколько лет шестидесятилетний литератор, ранее признаваемый первым поэтом Прикамья, пребывает в творческом кризисе, почти не пишет и не публикует стихов. Восприятие происходящего в стране как реализацию принципов свободного высказывания пробуждает в нем желание следовать общей тенденции: обнародовать написанное ранее «в стол», без надежды на публикацию. Это и выражение стремления принять в процессах обновления личное участие. Эпиграммы, появившиеся в рубрике «Трусцой на Парнас! Читательский сатирический турнир» рядом со стихами инженера из Миасса, председателя ОСВОДа города Рога-

чева, московского искусствоведа, рабочих, служащих, бухгалтеров, написаны с ироническим использованием советских идеологических штампов, образности Маяковского: «Один министр – поборник празднословия – / Был снят по состоянию здоровья, / Когда такой «больной» поста лишается, / Здоровье у народа улучшается» [Комарова 1987: 13]. Как и другие участники конкурса, поэт озабочен несоответствием декларируемых либеральных лозунгов и их практического воплощения: «Любой начпупс с трибун не первый год / За перестройку нас зовет бороться. / Но перестройка в ведомствах идет / С отрывом, так сказать, от производства!» [Радкевич 2007: 298]. Стоит отметить известную осторожность автора: эпиграммы он предлагает журналу от имени другого лица – дочери-студентки, снимает конкретную адресацию самых острых текстов.

Представляется, что самое интересное, оригинальное в экспромтах, эпиграммах В. И. Радкевича – мозаика культурной жизни провинции, активным участником которой поэт был всегда. С годами тексты требуют комментария, утрачивают остроту и в то же время остаются памятником эпохи, ее своеобразным дневником, деталью портрета талантливого человека.

Есть стихи и комплиментарного свойства. Выражение добрых чувств к артистам пермских театров нередко включает окрашенные легкой иронией аллюзии на классические тексты. Это баллада А. С. Пушкина в стихах Виктору Сайтову (1941–2007), обыгрывающих исполнение актером роли М. В. Фрунзе в фильмах «Большая – малая война» (1980), «Огненные дороги» (1984), «Борющийся Туркестан» (1984): «В кино – ведь как оно бывает – / Героя часто убивают. / А я видал Сайтова, / Живого, не убитого» [Радкевич 2007: 296]. Лермонтовские строки вплетены в посвящение «Звездам пермских театров», народным артисткам СССР, примаам оперы и драмы К. К. Кудряшовой (1925–2012) и Л. В. Мосоловой (1918–1996): «Все-таки талант всему основа, / Входит космос в театральный быт. / Кудряшова спорит с Мосоловой – / И звезда с звездой говорит» [Радкевич 2007: 296].

Чаще всего, что естественно, В. И. Радкевич обращается к собратьям-литераторам. Совет начинающему журналисту Никите Чернову: «Мы жить могли куда б получше, / Но каждый в чем-то бестолков. / А жизнь, в отличие от поэзии, / Не признает черновиков» [Легенды о Владимире Радкевиче]. Достаточно жесткая характеристика несовпадения пафоса текстов и морального облика местного автора: «Любимая моя! / тебя в стихах / Всегда одну/ и целовал, и миловал / Потом повел / на половецкий шлях / И там тебя / в

канаве изнасиловал» [цит. по: Смородинов 2000: 4].

Многочисленные стихотворные экспромты связаны с регулярно проводившимися, ныне забытыми «Днями советской литературы в Прикамье», когда В. И. Радкевич, самый популярный поэт Перми, приветствует от имени родного края гостя, многолетнего ответственного секретаря Кировской писательской организации О. М. Любовикова, обыгрывая его редкое имя: «И по-камски, и по-вятски, / По-соседски и по-братски, / Любя, а не завидуя, / Встречаем мы Овидия» [Радкевич 2007: 299].

В обращении к писателю с Алтая В. Н. Попову, автору «производственной» прозы, подчеркивается близость хозяевам праздника тематики его книг: «Уральский читатель сдружился с Поповым, / В общем – думы, заботы, дела... / Чтоб стать вдохновенным писательским словом, / Рабочая тема всей жизни была!» [Радкевич 2007: 299]. Романтичен портрет Юлии Друниной, гостьи «Дней» в 1978 г.: «Хранят поэзии страницы / И боль потерь, и труд войны – / И дальней юности зарницы / В ее глазах отражены» [там же].

Постоянный идеологический контроль, ситуации, связанные с особенностями партийного руководства печатью, продвижением книг были хорошо знакомы журналисту В. И. Радкевичу. Типична отсылающая к «Стихам о советском паспорте» сцена из жизни друга, И. Ф. Садриева, заведовавшего в 1976–1989 гг. в областной газете «Звезда» отделом сатиры, материалы которого подвергались особо жесткой правке: «Глазами добрыми дядю выев, / Идет к редактору Садриев» [Радкевич 2007: 297].

В списках ходил и хранится до сих пор в личных архивах перепев «Слова о полку Игореве» – коллективный портрет пермского чиновничества начала 1980-х во главе с легендарным «царем Борисом» Б. В. Коноплевым «Слово о полку Всеволодовича». Эпиграммы В. И. Радкевича – своеобразное дополнение этой поэмы, характеристики отдельных колоритных персонажей и ситуаций. Л. А. Соляник, ведущая солистка Пермского академического театра оперы и балета имени П. И. Чайковского, народная артистка РСФСР, была депутатом городского и областного советов, на заседаниях которых активно поддерживала предложения И. П. Быковой, секретаря по идеологии Пермского обкома КПСС, что породило экспромт, адресованный единомышленницам: «Между двух партийных нянек / Воспиталася Соляник. / Вот ведь как бывает: / Инна Быкова поет – / Соляник подпевает!» [Радкевич 2007: 296]. Память коллег-журналистов сохранила и тексты игривого свойства. «Местную но-

менклатуру, вплоть до секретарей обкома, Радкевич одарил эпиграммами разной степени стервозности, так сказать, «в зависимости от заслуг». Об одной, которая про себя говорила, что она не женщина, а партийный работник, Володя выдал такой «перл»: «Я обкомов не боюсь. / На партда-мочке женюсь. / Буду щупать сиськи я / Самые марксистские» [Смородинов 2000: 4].

Эпиграммы были формой серьезного диалога с друзьями-земляками: за иронией в них прочитываются моменты самоопределения, как, например, в комментарии «Портрета поэта В. Радкевича» (1978) работы Е. Н. Широкова. В.И.Радкевич изображен в духе «сурового стиля» на монументальном крупноформатном полотне. Фоном написанной крупными мазками в экспрессивных свинцово-синих и багрово-красных тонах фигуры служат диагональ бульжной мостовой, темная северная река и, на дальнем плане, бетонный пролет моста, закрывающего горизонт. Картина производит сложное, тревожное впечатление. «Одним из яростных пророков / Изобразил меня Широков. / Измазал синей, красной краской. / Я на себя смотрю с опаской» [Радкевич 2007: 299]. В реакции поэта соединяются ирония и удивление неожиданной для него масштабностью, драматичностью трактовки оригинала.

В. И. Радкевич и детский писатель Л. И. Давыдычев (1927–1988) были близкими друзьями, ходившими друг к другу в гости «в тапочках, благо жили рядом» [Биккель 2001: 11]. В диалоге этих известных острословов есть и полемика об образе жизни, характерном для каждого. Нередкое состояние В. И. Радкевича запечатлел Л. И. Давыдычев: «Лежит поэт, судьбой сражен, / Сквозь косточки пророс бурьян. / Все думают, что умер он, / А он на самом деле пьян» [цит. по: Биккель 2001:11]. В ответной эпиграмме грубовато-демонстративно утверждается свобода от официоза, с которым много лет была связана деятельность Л. И. Давыдычева, руководителя пермской писательской организации, по долгу службы постоянно контактировавшего с партийными идеологами, работавшего под их непосредственным руководством, «ходившего в бурках», по определению поэта: «Мы все живем – единым домом. / О Левочка, умерь свой пыл. / Ходил ты в бурках по обкомам, / А я в уборную ходил» [Радкевич 2007: 297].

Показателен шутливый диалог с поэтом Г. Ф. Семеновым, редактором «Спутника «Крокодила», сатирического журнала пермского моторного завода, по поводу стихотворения «Сад декабристов». В. И. Радкевич «разместил» липовую рощу в Разгуляе, которую, по преданию, сажали «те, с кем дружен был Пестель и близок

Рылеев» [цит. по: Красноперов 2001:148], на берегу Камы, на месте сквера имени Ф. М. Решетникова, в пермском обиходе, «Козьего загона». Г. Ф. Семенов написал по этому поводу: «Володька Радкевич в дерзанных неистов. / Такое спроворить сумел только он. / Воспел он всемирно, как Сад Декабристов, / Любимый пьянчугами “Козий загон”» [цит. по: Смородинов 2000: 4]. В. И. Радкевич парировал: «Ну, дорогой товарищ мой Семенов! / Ты безнадежно пал в моих глазах. / Козлу везде мерещатся загонны. / Орел парит свободно в облаках» [там же]. В признании фактической ошибки содержится и утверждение права свободной интерпретации поэтом явлений действительности, фантазии, способности «парить в облаках».

Шутливая полемика с друзьями читается сегодня как утверждение В. И. Радкевичем своего особого места в кругу земляков-художников, как стремление дополнить портрет официального певца Урала и Камы чертами стихийного таланта, склонного к импровизации, свободного от многих догм времени. Именно таким остался В. И. Радкевич в неофициальной пермской литературной истории.

Примечание

¹ Статья подготовлена в рамках проекта №0-58П Программы стратегического развития ПГГПУ.

Список литературы

- Беликов Ю. Вызов богам // Звезда (газ.). 2012. 24 апр. С.4.
- Биккель Л. Верните детям Ивана Семенова! // Аргументы и Факты. Прикамье (газ.) 2001. 4 июля. С.11.
- Радкевич В.И. Вечность нас пригласила в гости: Стихи. Пермь: ООО «Маматов», 2007. 352 с.
- Васильев В. Белый взгляд на эпиграмму // Русская эпиграмма. М.: Худож. лит., 2000. С.5–26.
- Гурин И. Южная «ссылка» Радкевича // Звезда (газ.). 2003. 13 июня. С. 8.
- Комарова Л. «Один министр – поборник празднословья...» // Крокодил. 1987. № 21. С.13.
- Красноперов Д.А. Правда и вымысел некоторых пермских мифов // Страницы прошлого: Избранные материалы краеведческих Смышляевских чтений в Перми. Вып. третий. Пермь, 2001. С.144–148.
- Легенды о Владимире Радкевиче. URL: <http://vetta.tv/news/city/18921> (дата обращения: 12.11.2014).
- Малая энциклопедия «Юности» // Юность. 1962. № 10. С.11–85.

Мануйлов В. Предисловие // Русская эпиграмма (XVIII–XIX вв.). Л.: Сов. писатель, 1958. С.5–32.

Маргиналы: Уральский андеграунд: живые лица погибшей литературы. Челябинск; Пермь: Изд. дом «Фонд «Галерея», 2004. 218 с.

Мишланова Л. Неизвестный Радкевич. «Лежу на кровати и песни горланю...» // Звезда (газ.). 1995. 10 ноября. С.13.

Мушина И. «На копьях эпиграммы острой...» // Русская эпиграмма XVIII–XIX вв. М.: Сов. Россия, 1988. С.3–18.

Радкевич В.И. Под звездами. Лирика. Пермь: Перм. кн. изд-во, 1964. 80с.

Радкевич Л. Воспоминания об отце // Радкевич В.И. Вечность нас пригласила в гости: Стихи. Пермь: ООО «Маматов», 2007. С. 204–206.

Смородинов М. Был болен тем, чем вся земля больна // Звезда (газ.). 2000. 11 февр. С. 4.

Хренков Д.Т. Виссарион Саянов: путь поэта. Л.: Сов. писатель, 1975. 279 с.

Чернова Т. Неизвестный Радкевич // Вечерняя Пермь (газ.).1997. 29 апр. С.2.

Штраус О. Истинный Лев // Звезда (газ.). 2000. 14 янв. С.4.

References

Belikov Y. Vyzov bogam [A challenge to gods]. Zvezda (gazeta) [The Star (newspaper)]. 2012. April, 24. P. 4.

Bikkel L. Vernite detjam Ivana Semjonova! [Bring back Ivan Semyenov to children!]. Argumenty i fakty – Prikamye (gazeta) [Arguments and Facts – Prikamye (newspaper)]. 2001. July, 4. P. 11.

Vasilyev V. Belyj vzgljad na epigrammu [A white look at the epigram]. Russkaja epigramma [The Russian epigram]. М.: 'Khudozhestvennaja literatura', 2000. P. 5–26.

Gurin I. 'Juzhnaja' ssylka Radkevicha [Radkevich's exile to the south]. Zvezda (gaz.) [Star (newspaper)]. 2003. June, 13. P. 8.

Komarova L. 'Oдин ministr – pobornik prazdnoslov'ja...' ['One minister – an idle talk upholder...']. Krokodil [The Crocodile]. 1987. No. 21. P.13.

Krasnopjorov D. A. Pravda i vymysel nekotorykh permskikh mifov [Facts and fiction of some Perm myths] Stranici proshlogo: Izbrahnye materialy kraevedcheskikh Smyshljaevskikh chteniy v Permi [Pages of the past: Selected proceedings of local history readings named after Smyshlyayev in Perm]. Perm, 2001. Iss. 3. P.144–148.

Legendy o Vladimire Radkeviche [Legends about Vladimir Radkevich]. Available at: <http://vetta.tv/news/city/18921> (accessed: 12.11.2014).

Malaja enciklopedija 'Junosti' [A small encyclopedia of 'Youth']. Junost [Youth]. 1962. No. 10. P. 11–85.

Manuylov V. Predislovie [Preface]. Russkaja epigramma (18-19 vv.) [The Russian epigram (18th – 19th centuries.)]. St. Petersburg: 'Sovetskiy pisatel' Publ., 1958. P. 5–32.

Marginaly: Ural'skiy andegraund: zhivye lica pogibshey literatury [The marginals: Ural underground: live faces of the dead literature]. Chelyabinsk-Perm: 'Fond 'Galereja' Publishing House, 2004. 218 p.

Mishlanova L. Neizvestnyy Radkevich. 'Lezhu na krovati i pesni gorlanju...' [Unknown Radkevich. 'I am lying on the bed and singing songs ...']. Zvezda (gaz.) [The Star (newspaper)]. 1995. November, 10. P.13.

Mushina I. 'Na kop'jakh epigrammy ostroy...' ['On spears of a sharp epigram...']. Russkaja epigramma 18-19 vv. [The Russian epigram of the 18th – 19th centuries]. Moscow: Sov. Rossiya, 1988. P. 3–18.

Radkevich V. I. Pod zvjozdami. Lirika. [Under the stars. Lyrics]. Perm: Permskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1964. 80 p.

Radkevich V. I. Vechnost' nas priglasila v gosti: Stikhi [Eternity invited us to visit it: Poems]. Perm: 'Mamatov' LLC Publ., 2007. 352 p.

Radkevich L. Vospominaniya ob otce [Memories about father]. Radkevich V. I. Vechnost' nas priglasila v gosti: Stikhi [Eternity invited us to visit it: Poems]. Perm: 'Mamatov' LLC Publ., 2007. P. 204–206.

Smorodinov M. Byl bolen tem, chem vsya zemlja bol'na [I was ill with the same illness as the whole earth]. Zvezda (gaz.) [The Star (newspaper)]. 2000. February, 11. P. 4.

Khrenkov D. T. Vissarion Sajanov: put' poeta [Vissarion Sajanov: the poet's way]. St. Petersburg: 'Sov. pisatel' Publ, 1975. 279 p.

Chernova T. Neizvestnyy Radkevich [Unknown Radkevich]. Vechernjaja Perm' (gaz.) [Evening Perm (newspaper)]. 1997. April, 29. P. 2.

Shtraus O. Istinnyy Lev [A true lion]. Zvezda (gaz.) [The Star (newspaper)]. 2000. January, 14. P. 4.

VLADIMIR RADKEVICH'S VERSE IMPROMPTUS

Vera E. Kaygorodova

**Assistant Professor in the Department of Modern Russian Literature
Perm State Humanitarian Pedagogical University**

The article is devoted to study of verse impromptus written by Perm poet Vladimir I. Radkevich (1927–1987). «Case»-verses, epigrams reflecting episodes of the regional and national literary polemics and the author's social and political views are analyzed. The cases of creative use of A.S. Pushkin's classical epigrams, M.Yu. Lermontov's poetry, V.V. Mayakovsky's satirical texts are singled out. V.I. Radkevich's impromptus, created in the context of cultural life of Perm of the 1960s – mid-1980s, are considered in the light of the regional history, as an evidence of personal relationships of people related to this history, as the way of self-identification for the famous poet, striving to individualize the official image of the author of civic patriotic poems.

Key words: impromptu; epigram; Perm; literary polemics; V.I. Radkevich.